

Блок Л. Д.

Были и небылицы

Предисловие

<http://imwerden.de/>
OCR Ловецкая Т. Ю.

Судьба мемуарных записей вдовы Александра Блока сложилась странно. Впервые в относительно связанном виде они публикуются только сейчас {Первая попытка обнародования трех фрагментов предпринята Вл. Орловым -- см.: "День поэзии", Л., 1965, стр. 307--320.} -- хотя на протяжении трех десятилетий они входят в число обязательных источников по Блоку {См. библиографию блоковедческих работ на стр. 102/3 настоящего издания.}. Текст, поступивший в наше распоряжение, не является достаточно исправным; сверку с рукописью произвести было невозможно, поскольку доступ к автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ {ЦГАЛИ, ф. 55 (Блок), оп. 1, ед. хр. 519, 520. Ср. глухое упоминание об экземпляре мемуаров Л. Д. Блок, хранящемся в США, -- в книге Н. Н. Берберовой "Курсив мой. Автобиография", Munchen, 1972, стр. 640.}, затруднен. Несмотря на то, что дошедший текст воспоминаний Л. Д. Менделеевой-Блок носит фрагментарный и черновой характер, он дает такую картину семейно-бытовой стороны жизни поэта, что публикация этого поразительного документа представляется в высшей степени своевременной и целесообразной. Необходимо принять в расчет и то обстоятельство, что "Были и небылицы" были адресованы к читателю и автор боялся превращения их в "достоянье доцента".

Мемуары Л. Д. Блок ценны не своими фактическими справками -- автор сознательно избегал "фактографичности" и явно исходил из презумпции полной осведомленности читателя в обширном круге фактических сведений о поэте (не только о его "внешней биографии", но и о "закулисной" жизни {"У Блока было две жизни -- бытовая, домашняя, тихая, и другая -- безбытная, уличная, хмельная. В доме у Блока был порядок, размеренность и внешнее благополучие. Правда, благополучия подлинного и здесь не было, но он дорожил его видимостью. Под маскою корректности и педантизма таился страшный незнакомец -- хаос". -- Георгий Чулков. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., "Федерация", 1930, стр. 143.}) -- в том виде, какой они приняли в вышедших в 1920--1930-ые годы мемуарных трудах Бекетовой, Белого, З. Гиппиус и др. или у самого Блока в изданных П. Н. Медведевым "Дневниках" и "Записных книжках". Но тем самым и разнообразная и долголетняя театральная, литературная, театроведческая деятельность Л. Д. Менделеевой-Блок и ее контакты с современниками оказались затушеванными в "Былях и небылицах" интимно-психологической исповедью.

Эта жанровая установка мемуаров Л. Блок (вместе с их отчетливой полемической направленностью) составляет наиболее интересную их черту. Говоря о том, что ни одна другая литературная эпоха не нуждается в такой степени, как символизм, в документально-мемуарном освещении, В. Ф. Ходасевич объяснил это фундаментальными особенностями поэтики символизма, его нежеланием и неспособностью "воплотиться в одни лишь словесные формы". "У символизма был *genius loci*, дыхание которого разливалось широко. Тот, кто дышал этим воздухом символизма, навсегда уже чем-то отмечен, какими-то особыми признаками (дурными или хорошими, или дурными и хорошими -- это вопрос особый). <...> В писаниях самих символистов символизм недовоплощен". {В. Ф. Ходасевич. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1954, стр. 155-- 156 (статья "О символизме", 1928).}

"Были и небылицы" дают неожиданно конкретный и парадоксальный комментарий к "Стихам о Прекрасней даме" и позднейшей лирике Блока. Демонстрации "двуплановости" литературно-бытовых и семейных аспектов символистской эпохи превращает мемуары Л. Д. Менделеевой-Блок в один из наиболее авторитетных документов мемуарного фонда русского символизма.

Когда писатель умер, мы болеем о нем не его скорбью. Для него нет больше скорби, как отдаться чужой воле, сломиться.

Ни нужда, ни цензура, ни дружба, ни даже любовь его не ломали, он оставался таким, каким хотел быть. Но вот он беззащитен, он скован землей, на нем лежит камень тяжелый. Всякий критик мерит его на свой аршин и делает таким, каким ему вздумается. Всякий художник рисует, всякий лепит того пошляка или глупца, какой ему по плечу. И говорит -- это Пушкин, это Блок. Ложь и клевета! Не